

rocketbook

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Охота на волков

Владимир Высоцкий

Охота на волков

«ЭКСМО»

Высоцкий В. С.

Охота на волков / В. С. Высоцкий — «Эксмо»,

ISBN 978-5-457-18033-8

Владимир Высоцкий считал литературный труд главным делом своей жизни: «...песни требуют колоссальной отделки и шлифовки...», они для поэта – «...никакое не хобби, нет!», однако при жизни стихотворения и песни Высоцкого не были печатными, несмотря на то что в них изначально заложен эталон подлинных человеческих отношений, настоящих чувств, истинной любви к своей стране, четкое осознание нравственных границ. Ирония Высоцкого, неумение подстраиваться под общее мнение, способность увидеть мир глазами людей из самых разных социальных слоев, особенная созидательная наполненность его творчества делают стихотворения и песни поэта живыми, востребованными и в настоящее время. Ведь в них говорится о главном: о любви к своей земле, к женщине, о дружбе.

ISBN 978-5-457-18033-8

© Высоцкий В. С.

© Эксмо

Содержание

Песни	5
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Высоцкий

Охота на волков

Песни

ТАТУИРОВКА

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили – так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.
И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я – тем более!» – мне Леша отвечал.
И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней – попробуй разбери:
У него – твой профиль выколот снаружи,
А у меня – душа исколота снутри.
И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.
Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша
И на грудь мою твой профиль наколол.
Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя – верней, твоя – татуировка
Много лучше и красивше, чем его!
1961

Я БЫЛ ДУШОЙ ДУРНОГО ОБЩЕСТВА

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.
В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.
Свой человек я был у *ско́карей*,
Свой человек – у *щипачей*, —

И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.
Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, *ссучился* —
Шепнул, навел — и я сторел.
Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:
«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»
И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали всё, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.
Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.
С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!
1961

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял.
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.
Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напополам.
От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!
Было здесь до́ фига
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации

И слушали по радио «От Совинформбюро».
Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.
Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!
1961

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть – расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!
Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!
Но гитару унесли, с нею – и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»
Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...
1962

ЛЕЖИТ КАМЕНЬ В СТЕПИ

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
«Кто направо пойдет —
Ничего не найдет,
А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».
Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.

Был один из них зол —
Он направо пошел,
В одиночку пошел, —
Ничего не нашел —
Ни деревни, ни сел, —
И обратно пришел.
Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья
И, подобравши подол,
Напрямую пошел, —
Сколько он ни бродил —
Никуда не добрел, —
Он вернулся и пил,
Он обратно пришел.
Ну а третий – был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
Долго ль, коротко ль шагал
И совсем не страдал,
Пил, гулял и отдыхал,
Ничего не понимал, —
Ничего не понимал,
Так всю жизнь и прошагал —
И не сгинул, и не пропал.
<1962>

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.
Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь
Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.

А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.
Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь
Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.
1962

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.
Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.
Мне нельзя на волю – не имею права, —
Можно лишь – от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.
Сны – про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.
1963

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до «вышки».
За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой – водку, – вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.
У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.
Ты бей штыком, а лучше – бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!
Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!
Вот шесть ноль-ноль – и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки»...
1964

АНТИСЕМИТЫ

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.
Решил я – и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!
Но друг и учитель – алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты – простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен – чего мне бояться!
Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?
Средь них – пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них – уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.
Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!
Им кровушки надо – они по запарке

Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!
По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи – живут там как боги...
На всё я готов – на разбой и насилие, —
И бью я жидов – и спасаю Россию!
1964

ПЕСНЯ ПРО УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.
И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу – читаю до конца.
Я не давал товарищам советы,
Но знаю я – разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.
Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...
Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья – не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!
И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как *мусора́*, когда приходят брать.
1964

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ

Жил я с матерью и батей
На Арбате – здесь бы так! —
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...
Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра – и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, – еще нет.
И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне

Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».
Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» —
Так мне доктор говорил.
Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.
Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны!
Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!
Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..
1964

ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».
За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.
Там год – за три, если бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.
У начальника Березкина —
Ох и гонор, ох и понт! —
И душа – крест-накрест досками, —
Но и он пошел на фронт.
Лучше было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Вышей мерой наградил его
Трибунал за самострел.
Ну а мы – всё оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,

А кто мертвые – крестом.
И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...
1964

* * *

Я любил и женщин и проказы:
Что ни день, то новая была, —
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.
И однажды как-то на дороге
Рядом с морем – с этим не шути —
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.
А у ней – широкая натура,
А у ней – открытая душа,
А у ней – отличная фигура, —
А у меня в кармане – ни гроша.
Ну а ей – в подарок нужно кольца;
Кабаки, духи из первых рук, —
А взамен – немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.
«Я тебе, – она сказала, – Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен, —
Если больше – с другом пополам!»
Женщины – как очень злые кони:
Захрипит, закусит удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась – ушла.
...Через месяц улеглись волнения —
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена!
1964

ПЕСНЯ ПРО СТУКАЧА

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды – проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он – нальем ему, ребята!»
Он пил как все и был как будто рад,
А мы – его мы встретили как брата...

А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я – простите мне, ребята!
Суда не помню – было мне невмочь,
Потом – барак, холодный как могила, —
Казалось мне – кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.
Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает – отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он – поверьте мне, ребята!
И день наступит – ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»
1964

ПЕСНЯ О ЗВЕЗДАХ

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.
Снова упала – и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.
Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.
Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.
Звезд этих в небе – как рыбы в прудах, —
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже – Героем.
Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто – на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.
1964

БАЛ-МАСКАРАД

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде, —
Раздали маски кроликов,

Слонов и алкоголиков,
Назначили всё это – в зоосаде.
«Зачем идти при полном при параде —
Скажи мне, моя радость, христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.
«Я платье, – говорит, – взяла у Нади —
Я буду нынче как Марина Влади
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»
...Зачем же я себя утюжил, гладил? —
Меня поймали тут же, в зоосаде, —
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих звали меня дяди.
Я снова очутился в зоосаде:
Глядь – две жены, – ну две Марины Влади! —
Одетые животными,
С двумя же бегемотами, —
Я тоже озверел – и стал в засаде.
Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.
1964

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают, —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.
Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.
А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.
У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!
1964

* * *

В этом доме большом раньше пьянка была
Много дней, много дней,
Ведь в Каретном ряду первый дом от угла —
Для друзей, для друзей.
За пьянками, гулянками,
За банками, полбанками,
За спорами, за ссорами, раздорами
Ты стой на том,
Что этот дом —
Пусть ночью, днем —
Всегда твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами.
И пускай иногда недовольна жена —
Но бог с ней, но бог с ней! —
Есть у нас что-то больше, чем рюмка вина, —
У друзей, у друзей.
За пьянками, гулянками,
За банками, полбанками,
За спорами, за ссорами, раздорами
Ты стой на том,
Что этот дом —
Пусть ночью, днем —
Всегда твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами.
1964

* * *

Передо мной любой факир — ну просто карлик,
Я их держу за самых мелких фрайеров, —
Возьмите мне один билет до Монте-Карло —
Я потревожу ихних шулеров!
Не соблазнят меня ни ихние красотки,
А на рулетку — только б мне взглянуть, —
Их банкометы мне вылижут подметки,
А я на поезд — и в обратный путь.
Играть я буду и на красных и на черных,
И в Монте-Карло я облажу все углы, —
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы.
Я привезу с собою массу впечатлений:
Попью коктейли, послушаю джаз-банд, —
Я привезу с собою кучу ихних денег —

И всю валюту сдам в советский банк.
Я говорю про все про это без ухарства —
Шутить мне некогда: мне «вышка» на носу, —
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу!
1964

ПЕСНЯ СТУДЕНТОВ-АРХЕОЛОГОВ

Наш Федя с детства связан был с землею —
Домой таскал и щебень и гранит...
Однажды он домой принес такое,
Что папа с мамой плакали навзрыд.
Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит, —
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.
Привез он как-то с практики
Два ржавых экспонатика
И утверждал, что это – древний клад, —
Потом однажды в Элисте
Нашел вставные челюсти
Размером с самогонный аппарат.
Диплом писал про древние святыни,
О скифах, о языческих богах.
При этом так ругался по-латыни,
Что скифы эти корчились в гробах.
Он древние строения
Искал с остервенением
И часто диким голосом кричал,
Что есть еще пока тропа,
Где встретишь питекантропа, —
И в грудь себя при этом ударял.
Он жизнь решил закончить холостую
И стал бороться за семейный быт.
«Я, – говорил, – жену найду такую —
От зависти заплачете навзрыд!»
Он все углы облазил – и
В Европе был, и в Азии —
И вскоре раскопал свой идеал.
Но идеал связать не мог
В археологии двух строк, —
И Федя его снова закопал.
1964

МАРШ СТУДЕНТОВ-ФИЗИКОВ

Тропы еще в антимир не протоптаны, —
Но как на фронте держись ты!

Бомбардируем мы ядра протонами,
Значит, мы – артиллеристы.
Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!
Тесно сплотились коварные атомы —
Ну-ка, попробуй прорвись ты!
Живо по коням – в погоню за квантами!
Значит, мы – кванталеристы.
Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!
Пусть не поймаешь нейтрино за бороду
И не посадишь в пробирку, —
Но было бы здорово, чтоб Понтекорво
Взял его крепче за шкурку.
Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!
Жидкие, твердые, газообразные —
Просто, понятно, вольготно!
А с этою плазмой дойдешь до маразма, и
Это довольно почетно.
Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра —
На волю пустим джинна из бутылки!
Молодо-зелено. Древность – в историю!
Дряхлость – в архивах пылиться!
Даешь эту общую эту теорию
Элементарных частиц нам!
Нам тайны нераскрытые раскрыть пора —
Лежат без пользы тайны, как в копилке, —
Мы тайны эти скоро вырвем у ядра —
И вволю выпьем джина из бутылки!

1964

* * *

Ну о чем с тобою говорить!
Все равно ты порешь ахинею, —
Лучше я пойду к ребятам пить —
У ребят есть мысли поважнее.
У ребят серьезный разговор —

Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор —
От ларька до нашей бакалеи.
Разговор у нас и прям и груб —
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И – кому потом бежать за водкой.
Ты даешь мне утром хлебный квас —
Что тебе придумать в оправданье!
Интеллекты разные у нас, —
Повышай свое образование!
1964

ПЕСНЯ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ

В куски
Разлетелася корона,
Нет державы, нету трона, —
Жизнь, Россия и законы —
Всё к чертям!
И мы —
Словно загнанные в норы,
Словно пойманные воры, —
Только – кровь одна с позором
Пополам.
И нам
Ни черта не разобраться,
С кем порвать и с кем остаться,
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься, —
Не понять!
Где дух? Где честь? Где стыд?!
Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили,
Неужели на Россию
Нам плевать?!
Позор
Всем, кому покой дороже,
Всем, кого сомненье гложет —
Может он или не может
Убивать!
Сигнал! —
И по-волчьи, и по-бычьи,
И – как коршун на добычу, —
Только воронов покличем
Пировать.
Эй, вы!
Где бывшая ваша твердость?
Где бывшая наша гордость?

Отдыхать сегодня – подлость!
Пистолет сжимает твердая рука.
Конец! Всему конец!
Всё разбилось, поломалось, —
Нам осталась только малость —
Только выстрелить в висок иль во врага.
1965

СОЛДАТЫ ГРУППЫ «ЦЕНТР»

Солдат всегда здоров,
Солдат на всё готов, —
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.
И не остановиться,
И не сменить ноги, —
Сияют наши лица,
Сверкают сапоги!
По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».
На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! – и в рай.
Первый – второй...
А каждый второй – тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...
А перед нами всё цветет,
За нами всё горит.
Не надо думать – с нами тот,
Кто всё за нас решит.
Веселые – не хмурые —
Вернемся по домам, —
Невесты белокурые
Наградой будут нам!
Всё впереди, а ныне —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».
На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! – и в рай.
Первый-второй...
А каждый второй – тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.

Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...
1965

ПЕСНЯ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

На границе с Турцией или с Пакистаном —
Полоса нейтральная; а справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном, —
А на левой стороне – ихние посты.
А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!
Капитанова невеста жить решила вместе —
Прикатила, говорит: «Милый!..» – то да сё.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте:
Что за свадьба без цветов! – пьянка, да и всё.
А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!
К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила – налетела блажь, —
Тоже «милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба – и шабаш!
А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!
Наши пограничники – храбрые ребята, —
Трое вызвались идти, а с ними капитан, —
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам!
Ведь на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!
Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, —
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув «...мать!», рухнул капитан.
А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!
Спит капитан – и ему снится,
Что открыли границу как ворота в Кремле, —
Ему и на фиг не нужна была чужая заграница —
Он пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то – ничья,
Ведь она – нейтральная!..
А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!
1965

* * *

Сыт я по горло, до подбородка —
Даже от песен стал уставать, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!
Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяне:
Верка поможет, а водка спасет.
Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки – похмелье, а с Верки – что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка, —
И позывных не передавать!..
Сыт я по горло, сыт я по глотку —
Ох, надоело петь и играть, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!
1965

* * *

Игорю Кохановскому
Мой друг уедет в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам —
Не по этапу, не по этапу.
Не то чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, – чудака, —
А просто так.
Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться – всего лишиться!
Ведь там – сплошные лагеря,
А в них – убийцы, а в них – убийцы...»
Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан
И – в Магадан!
Не то чтоб мне – не по годам, —
Я б прыгнул ночью из электрички, —
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.
Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —

Про Магадан.
Мой друг поедет сам собой —
С него довольно, с него довольно, —
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.
А мне удел от Бога дан...
А может, тоже – в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..
1965

* * *

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...
Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...
Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...
Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может – здесь, может – там...
1965

ВЫСОТА

Вцепились они в высоту как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.
И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы ее оставляли.
И снова в атаку не хочется всем,
Земля – как горелая каша...

В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
Свое возьмем, кровное, наше!
А можно ее стороной обойти, —
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
На этой высоте скрестились.
1965

**ПЕСНЯ ПРО СНАЙПЕРА, КОТОРЫЙ ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ
ПОСЛЕ ВОЙНЫ СПИЛСЯ И СИДИТ В РЕСТОРАНЕ**

А ну-ка, пей-ка,
Кому не лень!
Вам жисть — копейка,
А мне — мишень.
Который в фетрах,
Давай на спор:
Я — на сто метров,
А ты — в упор.
Не та раскладка,
Но я не трус.
Итак, десятка —
Бубновый туз...
Ведь ты же на спор
Стрелял в упор, —
Но я ведь — снайпер,
А ты — тапер.
Куда вам деться!
Мой выстрел — хлоп!
Девятка в сердце,
Десятка — в лоб...
И черной точкой
На белый лист —
Легла та ночка
На мою жисть!
1965

ПЕСНЯ ЗАВИСТНИКА

Мой сосед объездил весь Союз —
Что-то ищет, а чего — не видно, —
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.
У него на окнах — плюш и шелк,
Баба его шастает в халате, —
Я б в Москве с киркой уран нашел
При такой повышенной зарплате!
И сдается мне, что люди врут, —
Он нарочно ничего не ищет:

Для чего? – ведь денежки идут —
Ох, какие крупные деньжищи!
А вчера на кухне ихний сын
Головой упал у нашей двери —
И разбил нарочно мой графин, —
Я – мамаше счет в тройном размере.
Ему, значит, – рупь, а мне – пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку!
Я ведь не из зависти, я так —
Ради справедливости, и только.
...Ничего, я им создам уют —
Живо он квартиру обменяет, —
У них денег – куры не клюют,
А у нас – на водку не хватает!
1965

* * *

Перед выездом в загранку
Заполняешь кучу бланков —
Это еще не беда, —
Но в составе делегаций
С вами ездит личность в штатском —
Просто завсегда.
А за месяц до вояжа
Инструктаж проходишь даже —
Как там проводить все дни:
Чтоб поменьше безобразий,
А потусторонних связей
Чтобы – ни-ни-ни!
...Личность в штатском – парень рыжий —
Мне представился в Париже:
«Будем с вами жить, я – Никодим.
Вел нагрузки, жил в Бобруйске,
Папа – русский, сам я – русский,
Даже не судим».
Исполнительный на редкость,
Соблюдал свою секретность
И во всем старался мне помочь:
Он теперь по роду службы
Дорожил моею дружбой
Просто день и ночь.
На экскурсию по Риму
Я решил – без Никодиму:
Он всю ночь писал – и вот уснул, —
Но личность в штатском, оказалось,
Раньше боксом увлекалась,

Так что – не рискнул.
Со мной он завтракал, обедал,
Он везде – за мною следом, —
Будто у него нет дел.
Я однажды для порядку
Заглянул в его тетрадку —
Просто обалдел!
Он писал – такая стерва! —
Что в Париже я на мэра
С кулаками нападал,
Что я к женщинам несдержан
И влияниям подвержен
Будто Запада...
Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте – что тогда?
Это значит – не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..
1965

* * *

Есть на земле предостаточно рас —
Просто цветная палитра, —
Воздуху каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!
Если так дальше, то – полный привет —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!
Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто – я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзедун с Ли Сын Маном!
И что – разделился наш маленький шар
На три огромные части:
Нас – миллиард, их – миллиард,
А остальное – китайцы.
И что – подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай – ну же, —
Очень нам нужен ваш Дальний Восток —
Ох как ужасно нам нужен!..
Только об этом я сие вспоминал,
Только о нем я и думал, —
Я сослуживца недавно назвал
Мао – простите – Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, —
И что нам с Америкой драться:
Левую — нам, правую — им,
А остальное — китайцам.
1965

ПЕСНЯ О СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

Сказал себе я: брось писать, —
но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате — косятся,
не сплю: боюсь — набросятся, —
Ведь рядом психи тихие, неизлечимые.
Бывают психи разные —
не буйные, но грязные, —
Их лечат, морят голодом, их санитары бьют.
И вот что удивительно:
все ходят без смиренных
И то, что мне приносится, всё психи эти жрут.
Куда там Достоевскому
с «Записками» известными, —
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю
про нашу жизнь убогую, —
Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.
Вот это мука, — плюй на них! —
они ж ведь, суки, буйные:
Всё норовят меня лизнуть, — ей-богу, нету сил!
Вчера в палате номер семь
один свихнулся насовсем —
Кричал: «Даешь Америку!» — и санитаров бил.
Я не желаю славы, и
пока я в полном здравии —
Рассудок не померк еще, но это впереди, —
Вот главврачиха — женщина —
пусть тихо, но помешана, —
Я говорю: «Сойду с ума!» — она мне: «Подожди!»
Я жду, но чувствую — уже
хожу по лезвию ноже:
Забыл алфавит, падежей припомнил только два...
И я прошу моих друзья,
чтоб кто бы их бы ни был я,
Забрать его, ему, меня отсюда!
1966

ПРО ЧЕРТА

У меня запой от одиночества —

По ночам я слышу голоса...
Слышу – вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул – черт, – вот это чудеса!
Черт мне корчил рожи и моргал, —
А я ему тихонечко сказал:
«Я, брат, коньяком напился вот уж как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат...
Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка,
Сядь со мной – я очень буду рад...
Да неужели, черт возьми, ты трус?!
Слезь с плеча, а то перекрещусь!»
Черт сказал, что он знаком с Борисовым —
Это наш запойный управдом, —
Черт за обе щёки хлеб уписывал,
Брезговать не стал и коньяком.
Кончился коньяк – не пропадем, —
Съездим к трем вокзалам и возьмем.
Я уснул, к вокзалам черт мой съездил сам...
Просыпаюсь – снова черт, – боюсь:
Или он по новой мне пригрезился,
Или это я ему кажусь.
Черт ругнулся матом, а потом
Целоваться лез, вилял хвостом.
Насмеялся я над ним до коликов
И спросил: «Как там у вас в аду
Отношение к нашим алкоголикам —
Говорят, их жарят на спирту?!»
Черт опять ругнулся и сказал:
«И там не тот товарищ правит бал!»
...Всё кончилось, светлее стало в комнате, —
Черта я хотел опохмелять.
Но растворился черт как будто в омуте...
Я все жду – когда придет опять...
Я не то чтоб чокнутый какой,
Но лучше – с чертом, чем с самим собой.
1966

ПЕСНЯ-СКАЗКА О СТАРОМ ДОМЕ НА НОВОМ АРБАТЕ

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, —
Его еще Наполеон застал, —
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял...
Холодно, холодно, холодно в доме.
Парадное давно не открывалось,
Мальчишки окна выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась, —
Но что-то в этом доме оставалось

На третьем этаже...
Ахало, охало, ухало в доме.
И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной, —
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой
Дворники, дворники, дворники тихо.
Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая:
Вдруг там Наполеонов дух витает!
А может, это просто слуховая
Галлюцинация?..
Боязно, боязно, боязно дворникам.
Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий — тот, что дом ломал, —
Ударил с маху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы слышал,
Как кто-то застонал
Жалобно, жалобно, жалобно в доме.
...От страха дети больше не трясутся:
Нет дома, что два века простоял,
И скоро здесь по плану реконструкций
Ввысь этажей десятки вознесутся —
Бетон, стекло, металл...
Весело, здорово, красочно будет...
1966

ПЕСНЯ О СЕНТИМЕНТАЛЬНОМ БОКСЕРЕ

Удар, удар... Еще удар...
Опять удар — и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.
Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот — я на полу,
И мне нехорошо!
И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!
При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.
Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.
Но думал Буткеев, мне ребра круша:

И жить хорошо, и жизнь хороша!
В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.
Но он пролез — он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь — отдохни!»
Но он не услышал — он думал, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!
А он все бьет — здоровый, черт! —
Я вижу — быть беде.
Ведь бокс не драка — это спорт
Отважных и т. д.
Вот он ударил — раз, два, три —
И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил.
Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому хороша, а кому — ни шиша!
1966

**ПЕСНЯ О КОНЬКОБЕЖЦЕ НА КОРОТКИЕ
ДИСТАНЦИИ, КОТОРОГО ЗАСТАВИЛИ БЕЖАТЬ НА
ДЛИННУЮ**

Десять тысяч — и всего один забег
остался.
В это время наш Бескудников Олег
зазнался:
Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил —
и сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил:
беги, мол.
Я ж на длинной на дистанции помру —
не охну, —
Пробегу, быть может, только первый круг —
и сдохну!
Но сурово эдак тренер мне: мол,
надо, Федя, —
Главное дело — чтобы воля, говорит, была
к победе.
Воля волей, если сил невпоровот, —
а я увлекся:
Я на десять тыщ рванул как на пятьсот —
и спёкся!
Подвела меня — ведь я предупреждал! —
дыхалка:

Пробежал всего два круга – и упал, —
а жалко!
И наш тренер, экс– и вице-чемпион
ОРУДа,
Не пускать меня велел на стадион —
иуда!
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски
по банке —
А сегодня он кричит: «Меняй коньки
на санки!»
Жалко тренера – он тренер неплохой, —
ну бог с ним!
Я ведь нынче занимаюсь борьбой
и боксом, —
Не имею больше я на счет на свой
сомнений:
Все вдруг стали очень вежливы со мной,
и – тренер...
1966

ПЕСНЯ КОСМИЧЕСКИХ НЕГОДЯЕВ

Вы мне не поверите и просто не поймете:
В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, —
По пространству-времени мы прём на звездолете,
Как с горы на собственном заду.
От Земли до Беты – восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом – космическая тьма.
На Земле читали в фантастических романах
Про возможность встречи с иноземным существом, —
Мы на Земле забыли десять заповедей рваных —
Нам все встречи с ближним нипочем!
От Земли до Беты – восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – игрушки нам!
Наизусть читаем Пушкина,
А кругом – космическая тьма.
Нам прививки сделаны от слез и грез дешевых,
От дурных болезней и от бешеных зверей, —
Нам плевать из космоса на взрывы всех сверхновых —
На Земле бывало веселей!
От Земли до Беты – восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.

Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом – космическая тьма.
Прежнего, земного не увидим небосклона,
Если верить рассказам ученых чудаков, —
Ведь, когда вернемся мы, по всем по их законам
На Земле пройдет семьсот веков!
То-то есть смеяться отчего:
На Земле бояться нечего —
На Земле нет больше тюрем и дворцов.
На Бога уповали бедного,
Но теперь узнали: нет его —
Ныне, присно и вовек веков!
1966

В ДАЛЕКОМ СОЗВЕЗДИИ ТАУ КИТА

В далеком созвездии Тау Кита
Всё стало для нас непонятно, —
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —
А нас посылают обратно.
На Тау Ките
Живут в тесноте —
Живут, между прочим, по-разному —
Товарищи наши по разуму.
Вот, двигаясь по световому лучу
Без помощи, но при посредстве,
Я к Тау Кита этой самой лечу,
Чтоб с ней разобраться на месте.
На Тау Кита
Чегой-то не так —
Там таукитайская братия
Свихнулась, – по нашим понятиям.
Покамест я в анабиозе лежу,
Те таукитяне буянят, —
Все реже я с ними на связь выхожу:
Уж очень они хулиганят.
У таукитов
В алфавите слов —
Немного, и строй – буржуазный,
И юмор у них – безобразный.
Корабль посадил я как собственный зад,
Слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянки: «Виват!» —
Что значит по-нашему – «Здрасьте!»
У таукитян
Вся внешность – обман, —
Тут с ними нельзя состязаться:
То явятся, то растворятся...

Мне таукитянин – как вам папуас, —
Мне вкратце об них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!» —
В ответ они чем-то мигнули.
На Тау Ките
Условия не те:
Тут нет атмосферы, тут душно, —
Но таукитяне радушны.
В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..
Но кибернетический гид мой
Настолько буквально меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.
Но таукиты —
Такие скоты —
Наверно, успели набраться:
То явятся, то растворятся...
«Вы, братья по полу, – кричу, – мужики!
Ну что...» – тут мой голос сорвался.
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну, – говорю, – признавайся!..»
Она мне: «Уйди!» —
Мол, мы впереди —
Не хотим с мужчинами знаться, —
А будем теперь почковаться!
Не помню, как поднял я свой звездолет, —
Лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед
По гнусной теории Эйнштейна!
Что, если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знание, —
Что, если и там – почкованье?!
1966

ПРО ДИКОГО ВЕПРЯ

В королевстве, где всё тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.
Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил, —
А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.
И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть наконец!
Вот кто отчаится на это, на это,
Тот принцессу поведет под венец».
А в отчаявшемся том государстве —

Как войдешь, так прямо наискосок —
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок.
На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили мёды — и тут
Протрубили во дворе трубадуры,
Хватъ стрелка — и во дворец волокут.
И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец, —
Но если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».
А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы — выкатить портвейну бадью!»
Мол, принцессу мне и даром не надо, —
Чуду-юду я и так победю!
А король: «Возьмешь принцессу — и точка!
А не то тебя раз-два — и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!...»
А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!»
И пока король с им так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.
Делать нечего — портвейн он отспорил, —
Чуду-юду уложил — и убег...
Вот так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.
1966

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой —
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,
Шаг ступил на ледник —

и сник,
Оступился – и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони:
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал:
Если шел он с тобой
как в бой,
На вершине стоял – хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!
1966

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАВНИНА

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.
Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.
Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.
И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —

Пройдут тобой не пройденный маршрут.
Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед,
ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.
Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди.
1966

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.
Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!
А до войны – вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.
Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!
Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот – он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!
Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!
Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки

Сегодня что-то не в ударе...
Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!
1966

СКАЛОЛАЗКА

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты — и взяла с собой.
И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!
А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:
«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!
А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!
Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.
За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:
«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!
1966

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы — просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.
Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать — и боги спускались на землю.
Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.
Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас — и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.
Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!
1966

* * *

Свои обиды каждый человек —
Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.
Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.
1966

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в ём одном!
Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на ты, —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.
Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня — она была в Париже, —

Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!
Я бросил свой завод – хоть, в общем, был не вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей от того – она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...
Приедет – я скажу по-польски: «Прóшу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»
Но что́ ей до меня – она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!
Она сегодня здесь, а завтра будет в Óсле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они – я лучше пережду!
1966

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

О вкусах не спорят: есть тысяча мнений —
Я этот закон на себе испытал, —
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно всё понимал.
Оделся по моде, как требует век, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.
Набедренный пояс из шкуры пантеры, —
О да, неприлично, согласен, ей-ей,
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры – им было видней.
Оделся по моде как в каменный век —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.
Оденусь как рыцарь я после турнира —
Знакомые вряд ли узнают меня, —
И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»
Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Вот уж действительно
Всё относительно, —

Всё-всё, всё.
Вот трость, канотье – я из нэпа, – похоже?
Не надо оваций – к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали, – ну что же,
Тогда я одену последний костюм.
Долой канотье, вместо тросточки – стек, —
И шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.
Будьте же бдительны:
Всё относительно, —
Всё-всё, всё!
1966

ГОЛОЛЕД

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета —
Люди, падая, бьются об лед.
Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.
Даже если всю Землю – в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там – гололед! —
И затопчут его сапогами.
Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.
Только – лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может – зверь не упавши пройдет...
Гололед! – и двуногий встает
На четыре конечности тоже.
Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.
1966, ред. <1973>

* * *

Корабли постоят – и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.
Возвращаются все – кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все – кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе – еще меньше.
Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в делах —
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах, —
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.
Зима 1966/67

* * *

Вот – главный вход, но только вот
Упрашивать – я лучше сдохну, —
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.
Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня, тепленького —
Хоть бываю и хуже я сам, —
Оскорбили до ужаса.
И, плюнув в пьяное мурло
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло —
В объятья к милиционеру.
И меня – окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям как был я – в амбиции
Довели до милиции.
И, кулаками покарав
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф —
За то, что я нахулиганил.
А потом – перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчишки
Дали спать на диванчике.
Проснулся я – еще темно, —
Успел поспать и отдохнуть я, —

Встаю и, как всегда, – в окно,
Но на окне – стальные прутья!
И меня – патентованного,
Ко всему подготовленного, —
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.
А рано утром – верь не верь —
Я встал, от слабости шатаясь, —
И вышел в дверь – я вышел в дверь! —
С тех пор в себе я сомневаюсь.
В мире – тишь и безветрие,
Чистота и симметрия, —
На душе моей – тягостно,
И живу я безрадостно.
Зима 1966/67

ПЕСНЯ-СКАЗКА О НЕЧИСТИ

В заповедных и дремучих
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.
Страшно, аж жуть!
В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
заграбастают,
А уж лешие – так по лесу и шастают.
Страшно, аж жуть!
А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепоею,
а кто сдуру в чащу лез.
По причине попадали, без причины ли, —
Только всех их и видали – словно сгинули.
Страшно, аж жуть!
Из заморского из лесу,
где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят, —
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.
Страшно, аж жуть!
Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,

А от их был Змей трехглавый
и слуга его – Вампир, —
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!
Страшно, аж жуть!
Змей Горыныч взмыл на древо,
ну – раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, —
пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!»
Страшно, аж жуть!
Все взревели, как медведи:
«Натерпелись – сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
патриотки али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, — отоварился!
А еще на наших женщин позарился!...»
Страшно, аж жуть!
Соловей-разбойник тоже
был не только лыком шит, —
Гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
ты, заморский паразит!
Убирайся без бою, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!»
Страшно, аж жуть!
...А теперь седые люди
помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
и друг друга извела, —
Прекратилось навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно.
И не страшно ничуть!
Зима 1966/67

ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам – уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.
Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом – товарищей нет.
И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платья, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..
<1966 или 1967>

СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

В ресторане по стенкам висят тут и там —
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» – спросил я. «Садитесь!
...Закури!» – «Извините, «Казбек» не курю...»
«Ладно, выпей, – давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» – «Обязательно буду!»
«Ну так что же, – сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?
В сорок третьем под Курском я был старшиной, —
За мою спиной – такое...
Много всякого, брат, за мою спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»
Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигаешь, иуда!
А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..»
Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.
Он все больше хмелел, я – за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора
Я обидел его – я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»
1967

ПАРУС

Песня беспокойства

А у дельфина
Врезано брюхо винтом!
Выстрела в спину
Не ожидает никто.
На батарее
Нет снарядов уже.
Надо быстрее
На вираже!

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!
Даже в дозоре
Можешь не встретить врага.
Это не горе —
Если болит нога.
Петли дверные
Многим скрипят, многим поют:
Кто вы такие?
Вас здесь не ждут!
Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!
Многие лета —
Всем, кто поет во сне!
Все части света
Могут лежать на дне,
Все континенты
Могут гореть в огне, —
Только всё это —
Не по мне!
Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!
1967

ПАРОДИЯ НА ПЛОХОЙ ДЕТЕКТИВ

Опасаясь контрразведки,
избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом «мистер Джон
Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках —
чтоб не делать отпечатков, —
Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.
Джон Ланкастер в одиночку,
преимущественно ночью,
Щелкал носом – в ём был спрятан инфракрасный
объектив, —
А потом в нормальном свете
представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив.
Клуб на улице Нагорной —
стал общественной уборной,
Наш родной Центральный рынок – стал похож
на грязный склад,
Искаженный микропленкой,
ГУМ – стал маленькой избенкой,
И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ.
Но работать без подручных —
может, грустно, а может, скучно, —

Враг подумал – враг был дока, – написал фиктивный чек,
И где-то в дебрях ресторана
гражданина Епифана
Сбил с пути и с панталыку несоветский человек.
Епифан казался жадным,
хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.
В общем так: подручный Джона
был находкой для шпиона, —
Так случиться может с каждым – если пьян и мягкотел!
«Вот и первое задание:
в тринадцать возле бани —
Может, раньше, а может, позже – остановится такси, —
Надо сесть, связать шофера,
разыграть простого вора, —
А потом про этот случай растреляют по «Би-би-си».
И еще. Побрейтесь свежо,
и на выставке в Манеже
К вам приблизится мужчина с чемоданом – скажет он:
«Не хотите ли черешни?»
Вы ответите: «Конечно», —
Он вам даст батон с взрывчаткой – принесете мне батон.
А за это, друг мой пьяный, —
говорил он Епифану, —
Будут деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин!»
...Враг не ведал, дурачина:
тот, кому всё поручил он,
Был – чекист, майор разведки и прекрасный семьянин.
Да, до этих штучек мастер
этот самый Джон Ланкастер!..
Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек —
Обезврежен он, и даже
он пострижен и посажен, —
А в гостинице «Советской» поселился мирный грек.
1967

ПРОФЕССИОНАЛЫ

Профессионалам —
зарплата навалом, —
Плевать, что на лед они зубы плюют.
Им платят деньжищи —
огромные тыщи, —
И даже за проигрыш, и за ничью.
Игрок хитер – пусть
берет на корпус,
Бьет в зуб ногой и – ни в зуб ногой, —
А сам в итоге
калечит ноги —

И вместо клюшки идет с клюкой.
Профессионалам,
отчаянным малым,
Игра – лотерея, – кому повезет.
Играют с партнером —
как бык с матадором, —
Хоть, кажется, принято – наоборот.
Как будто мертвый
лежит партнер твой, —
И ладно, черт с ним – пускай лежит.
Не оплошай, бык, —
бог хочет шайбы,
Бог на трибуне – он не простит!
Профессионалам
судья криминалом
Ни бокс не считает, ни злой мордобой, —
И с ними лет двадцать
кто мог потягаться —
Как школьнику драться с отборной шпаной?!
Но вот недавно
их козырь главный —
Уже не козырь, а так – пустяк, —
И их оружием
теперь не хуже
Их бьют, к тому же – на скоростях.
Профессионалы
в своем Монреале
Пускай разбивают друг другу носы, —
Но их представитель
(хотите – спросите!)
Недавно заклеен был в две полосы.
Сперва распластан,
а после – пластырь...
А ихний пастор – ну как назло! —
Он перед боем
знал, что слабó им, —
Молились строем – не помогло.
Профессионалам
по всяким каналам —
То много, то мало – на банковский счет, —
А наши ребята
за ту же зарплату
Уже пятикратно уходят вперед!
Пусть в высшей лиге
плетут интриги,
И пусть канадским зовут хоккей —
За нами слово, —
до встречи снова!
А футболисты – до лучших дней...

1967

ПЕСЕНКА ПРО ЙОГОВ

Чем славится индийская культура?
Ну, скажем, – Шива – многорук, клыкаст...
Еще артиста знаем – Радж Капюра,
И касту йогов – странную из каст.
Говорят, что раньше йог
мог
Ни черта не брамши в рот —
год, —
А теперь они рекорд
бьют:
Всё едят и целый год
пьют!
А что же мы? И мы не хуже многих —
Мы тоже можем много выпивать, —
И бродят многочисленные йоги —
Их, правда, очень трудно распознать.
Очень много может йог
штук:
Вот один недавно лег
вдруг —
Третий день уже летит, —
стыд! —
Ну а йог себе лежит
спит.
Я знаю, что у них секретов много, —
Поговорить бы с йогом тет-на-тет, —
Ведь даже яд не действует на йога:
На яды у него иммунитет.
Под водой не дышит час —
раз,
Не обидчив на слова —
два,
Если чует, что старик
вдруг —
Скажет «стоп!», и в тот же миг —
труп!
Я попросил подвыпившего йога
(Он бритвы, гвозди ел как колбасу):
«Послушай, друг, откройся мне – ей-бога,
С собой в могилу тайну унесу!»
Был ответ на мой вопрос
прост,
Но поссорились мы с ним
в дым, —
Я бы мог открыть ответ
тот,
Но йог велел хранить секрет,

Вот...

1967

ПЕСНЯ-СКАЗКА ПРО ДЖИННА

У вина достоинства, говорят, целебные, —
Я решил попробовать – бутылку взял, открыл...
Вдруг оттуда вылезло чтой-то непотребное:
Может быть, зеленый змий, а может – крокодил!
Если я чего решил – я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!
А оно – зеленое, пахучее, противное —
Прыгало по комнате, ходило ходуном, —
А потом послышалось пенье заунывное —
И виденье оказалось грубым мужуком!
Если я чего решил – я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!
Если б было у меня времени хотя бы час —
Я бы дворников позвал с метлами, а тут
Вспомнил детский детектив – «старика Хоттабыча» —
И спросил: «Товарищ ибн, как тебя зовут?»
Если я чего решил – я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!
«Так что хитрость, – говорю, – брось свою иудину —
Прямо, значит, отвечай: кто тебя послал,
Кто загнал тебя сюда, в винную посудину,
От кого скрывался ты и чего скрывал?»
Тут мужик поклоны бьет, отвечает вежливо:
«Я не вор, я не шпион, я вообще-то – дух, —
За свободу за мою – захотите ежли вы —
Изобью для вас любого, можно даже двух!»
Тут я понял: это – джинн, – он ведь может многое —
Он же может мне сказать «Враз озолочу!»...
«Ваше предложение, – говорю, – убогое.
Морды будем после бить – я вина хочу!
Ну а после – чудеса по такому случаю:
До небес дворец хочу – ты на то и бес!..»
А он мне: «Мы таким делам вовсе не обучены, —
Кроме мордобитиев – никаких чудес!»
«Врешь!» – кричу. «Шалишь!» – кричу. Но и дух —
в амбицию, —
Стукнул раз – специалист! – видно по нему.
Я, конечно, побежал – позвонил в милицию.
«Убивают, – говорю, – прямо на дому!»
Вот они подъехали – показали аспиду!
Супротив милиции он ничего не смог:
Вывели болезного, руки ему – за спину
И с размаху кинули в черный воронок.
...Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме мается, —

Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть!
Ну а может, он теперь боксом занимается, —
Если будет выступать – я пойду смотреть!
1967

ПЕСНЯ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
Щита прибивать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.
«Эх, князь, – говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»
Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.
«Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки. —
Напился, старик, – так пойдя похмелись,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»
Ну, в общем, они не сносили голов, —
Шутить не можете с князьями! —
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:
Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!
А вещий Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, —
Он только однажды волхвов вспомянул,
И то – саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!
«А вот он, мой конь – на века опочил, —
Один только череп остался!..» —
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его —
И принял он смерть от коня своего.
...Каждый волхвов покарать норовит, —
А нет бы – послушаться, правда?
Олег бы послушал – еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

1967

ДВА ПИСЬМА

I

Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!
Во первых строках письма шлю тебе привет.
Вот вернешься ты, боюсь, занятой, нарядный —
Не заглянешь и домой, — сразу в сельсовет.
Как уехал ты — я в крик, — бабы прибежали:
«Ой, разлуки, — говорят, — ей не перенести».
Так скучала за тобой, что меня держали, —
Хоть причина не скучать очень даже есть.
Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
Еле-еле не далась — даже щас дрожу.
Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
Перед тем как приставать, пьет для куражу.
Ты, болтают, получил премию большую;
Будто Борька, наш бугай, — первый чемпион...
К злыдню этому быку я тебя ревную
И люблю тебя сильнее, нежели чем он.
Ты приснился мне во сне — пьяный, злой, угрюмый, —
Если думаешь чего — так не мучь себя:
С агрономом я прошлась, — только ты не думай —
Говорили мы весь час только про тебя.
Я-то ладно, а вот ты — страшно за тебя-то:
Тут недавно приезжал очень важный чин, —
Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.
Ты уж, Коля, там не пей — потерпи до дому, —
Дома можешь хоть чего: можешь — хоть в запой!
Мне не надо никого — даже агроному, —
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.
Наш амбар в дожди течет — прохудился, верно, —
Без тебя немоготу — кто создаст уют?!
Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
Если можешь, напиши — что там продают.

1967

II

Не пиши мне про любовь — не поверю я:
Мне вот тут уже дела твои прошлые.
Слушай лучше: тут — с лавсаном материя, —
Если хочешь, я куплю — вещь хорошая.
Водки я пока не пил — ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я, —
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая.
Был в балете, — мужики девок лапают.

Девки – все как на подбор – в белых тапочках.
Вот пишу, а слезы душат и капают:
Не давай себя хватать, моя лапочка!
Наш бугай – один из первых на выставке.
А сперва кричали – будто бракованный, —
Но очухались – и вот дали приз таки:
Весь в медалях он лежит, запакованный.
Председателю скажи, пусть избу мою
Кроют нынче же, и пусть травку выкосют, —
А не то я тёлочку крыть – не подумаю:
Рекордсмена портить мне – нахоть, выкуси!
Пусть починят наш амбар – ведь не гнить зерну!
Будет Пашка приставать – с им как с предателем!
С агрономом не гуляй, – ноги выдерну, —
Можешь раза два пройтись с председателем!
До свидания, я – в ГУМ, за покупками:
Это – вроде наш лабаз, но – со стеклами...
Ты мне можешь надоесть с полусубками,
В сером платье с узорами блеклыми.
... Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ём гуляю – и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь – там, за печкою, —
Потому – ты темнота некультурная.
1966

ПЕСНЯ О ВЕЩЕЙ КАССАНДРЕ

Долго Троя в положении осадном
Оставалась неприступною твердыней,
Но троянцы не поверили Кассандре, —
Троя, может быть, стояла б и поныне.
Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.
И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, как и положено, крылата,
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: «Это ведьма виновата!»
Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.
И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту,
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.
Без устали безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»

Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.
Конец простой – хоть не обычный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, —
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.
Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.
1967

ПЕСНЯ ПРО ПРАВОГО ИНСАЙДА

Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас – «четыре-два-четыре».
Ох инсайд! Для него – что футбол, что балет,
И всегда он играет по правому краю, —
Справедливости в мире и на поле нет —
Потому я всегда только слева играю.
Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас – «четыре-два-четыре».
Вот инсайд гол забил, получив точный пас.
Я хочу, чтоб он встретился мне на дороге, —
Не могу: меня тренер поставил в запас,
А ему сходят с рук перебитые ноги.
Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас – «четыре-два-четыре».
Ничего! Я немножечко повременю,
И пускай не дают от команды квартиру —
Догоню, я сегодня его догоню, —
Пусть меня не заявят на первенство миру.
Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас – «четыре-два-четыре».
Ничего! После матча его подожду —
И тогда побеседуем с ним без судьи мы, —
Пропаду, чует сердце мое – попаду
Со скамьи запасных на скамью подсудимых.
Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —

А нам плевать, у нас – «четыре-два-четыре».
1967, ред. 1968

АИСТЫ

Небо этого дня —
ясное,
Но теперь в нем — броня
лязгает.
А по нашей земле —
гул стоит,
И деревья в смоле —
грустно им.
Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.
Колос — в цвет янтаря, —
успеем ли?
Нет! Выходит, мы зря
сеяли.
Что ж там, цветом в янтарь,
светится?
Это в поле пожар
мечется.
Разбредились все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет —
вороны!
И деревья в пыли
к осени.
Те, что песни могли, —
бросили.
И любовь не для нас, —
верно ведь,
Что нужнее сейчас
ненависть?
Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.
Лес шумит, как всегда,
кронами,
А земля и вода —
стонами.
Но нельзя без чудес —
аукает
Довоенными лес
звуками.

Побрели все от бед
на восток,
Певчих птиц больше нет,
нет аистов.
Воздух звуки хранит
разные,
Но теперь в нем – гремит,
лязгает.
Даже цокот копыт —
топотом,
Если кто закричит —
шепотом.
Побрели все от бед
на восток, —
И над крышами нет
аистов...
1967

ЛУКОМОРЬЯ БОЛЬШЕ НЕТ

Антисказка

Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след, —
Дуб годится на паркет —
так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы —
Порубили все дубы
на гробы.
Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.
Распрекрасно жить в домах
На куриных на ногах,
Но явился всем на страх
вертопрах, —
Добрый молодец он был —
Бабку Ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил,
дом спалил.
Тридцать три богатыря
Порешили, что зазря
Берегли они царя
и моря, —
Каждый взял себе надел —
Кур завел – и в ём сидел,
Охраняя свой удел
не у дел.

Ободрав зеленый дуб,
Дядька ихний сделал сруб,
С окружающими туп
стал и груб, —
И ругался день-деньской
Бывший дядька их морской,
Хоть имел участок свой
под Москвой.
Здесь и вправду ходит Кот, —
Как направо – так поет,
Как налево – так загнет
анекдот, —
Но, ученый сукин сын,
Цепь златую снес в торгсин
И на выручку – один —
в магазин.
Как-то раз за божий дар
Получил он гонорар, —
В Лукоморье перегар —
на гектар!
Но хватил его удар, —
Чтоб избежать божьих кар,
Кот диктует про татар
мемуар.
И Русалка – вот дела! —
Честь недолго берегла —
И однажды, как смогла,
родила, —
Тридцать три же мужука
Не желают знать сынка, —
Пусть считается пока —
сын полка.
Как-то раз один Колдун —
Врун, болтун и хохотун —
Предложил ей как знаток
дамских струн:
Мол, Русалка, всё пойму
И с дитем тебя возьму, —
И пошла она к ему
как в тюрьму.
Бородатый Черномор —
Лукоморский первый вор —
Он давно Людмилу спер, —
ох, хитер!
Ловко пользуется, тать,
Тем, что может он летать:
Зазеваешься – он хват! —
и тикать.
А коверный самолет

Сдан в музей в запрошлый год —
Любознательный народ
так и прет!
Без опаски старый хрыч
Баб ворует, хнычь не хнычь, —
Ох, скорей ему накличь
паралич!
Нету мочи, нету сил, —
Леший как-то недопил —
Лешахиу свою бил
и вопил:
«Дай рубля, прибью а то, —
Я добытчик али кто?!
А не дашь – тады пропью
долото!»
«Я ли ягод не носил?! —
Снова Леший голосил. —
А коры по сколько кил
приносил!
Надрывался – издаля,
Всё твоей забавы для, —
Ты ж жалеешь мне рубля —
ах ты тля!»
И невиданных зверей,
Дичи всякой – нету ей:
Понаехало за ей
егерей...
В общем, значит, не секрет:
Лукоморья больше нет, —
Всё, про что писал поэт,
это – бред.
Ты уймись, уймись, тоска, —
Душу мне не рань!
Раз уж это присказка —
Значит, сказка – дрянь.
1967

СКАЗКА О НЕСЧАСТНЫХ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖАХ

На краю края земли, где небо ясное
Как бы вроде даже сходит за кордон,
На горе стояло здание ужасное,
Издаля напоминавшее ООН.
Всё сверкает как зарница —
Красота, – но только вот
В этом здании царица
В заточении живет.
И Кощей Бессмертный грубую животную
Это здание поставил охранять, —

Но по-своему несчастное и кроткое,
Может, было то животное – как знать!
От большой тоски по маме
Вечно чудище в слезах, —
Ведь оно с семьёю главами,
О пятнадцати глазах.
Сам Кощей (он мог бы раньше – врукопашную)
От любви к царице высох и увял —
Стал по-своему несчастным старикашкой, —
Ну а зверь – его к царице не пускал.
«Пропусти меня, чего там,
Я ж от страсти трепещу!..»
«Хочь снимай меня с работы —
Ни за что не пропущу!»
Добрый молодец Иван решил попасть туда:
Мол, видали мы кощеев, так-растак!
Он все время: где чего – так сразу шасть туда, —
Он по-своему несчастный был – дурак!
То ли выпь захохотала,
То ли филин заикал, —
На душе тоскливо стало
У Ивана-дурака.
Началися его подвиги напрасные,
С баб-ягами никчемушная борьба, —
Тоже ведь она по-своему несчастная —
Эта самая лесная голытьба.
Сколько ведьмочков пришипнул! —
Двух молоденьких, в соку, —
Как увидел утром – всхлипнул:
Жалко стало, дураку!
Но, однако же, приблизился, дремотное
Состоянье превозмог свое Иван, —
В уголку лежало бедное животное,
Все главы свои склонившее в фонтан.
Тут Иван к нему сигает —
Рубит головы спеша, —
И к Кощейю подступает,
Кладенцом своим маша.
И грозит он старику двухтыщелетнему:
«Щас, – говорит, – бороду-то мигом обстригу!
Так умри ты, сгинь, Кощей!» А тот в ответ ему:
«Я бы – рад, но я бессмертный – не могу!»
Но Иван себя не помнит:
«Ах ты, гнусный фабрикант!
Вон настроил сколько комнат, —
Девку спрятал, интриган!
Я закончу дело, взявши обязательство!..» —
И от этих-то неслыханных речей
Умер сам Кощей, без всякого вмешательства, —

Он неграмотный, отсталый был Кощей.
А Иван, от гнева красный, —
Пнул Кощея, плюнул в пол —
И к по-своему несчастной
Бедной узнице вошел!..
1967

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Уходим под воду
В нейтральной воде.
Мы можем по году
Плевать на погоду, —
А если накроют —
Локаторы взвоят
О нашей беде.
Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...
И рвутся аорты,
Но наверх — не сметь!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу —
Мешает проходу
Рогатая смерть!
Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...
Но здесь мы — на воле, —
Ведь это наш мир!
Свихнулись мы, что ли, —
Всплывать в минном поле!
«А ну, без истерик!
Мы врежемся в берег», —
Сказал командир.
Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...
Всплывем на рассвете —
Приказ есть приказ!
Погибнуть во цвете —
Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен...
Нам нечем... Нам нечем!..
Но помните нас!
Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...
Вот вышли наверх мы.
Но выхода нет!
Вот – полный на верфи!
Натянуты нервы.
Конец всем печалям,
Концам и началам —
Мы рвемся к причалам
Заместо торпед!
Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...
Спасите наши души!
Спасите наши души...
1967

ДОМ ХРУСТАЛЬНЫЙ

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!» —
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!
Дом хрустальный на горе – для нее,
Сам, как пес бы, так и рос – в цепи.
Родники мои серебряные,

Золотые мои россыпи!
Если беден я, как пес – один,
И в доме моем – шаром кати, —
Ведь поможешь ты мне, Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!
Дом хрустальный на горе – для нее,
Сам, как пес бы, так и рос – в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!
Не сравнил бы я любую с тобой —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, —
Как мадонной Рафаэлевой!
Дом хрустальный на горе – для нее,
Сам, как пес бы, так и рос – в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!
1967

* * *

Мао Цзедун —
большой шалун —
Он до сих пор не прочь кого-нибудь потискать, —
Заметив слабину,
меняет враз жену, —
И вот недавно докатился до артистки.
Он маху дал —
он похудал:
У ней открылся темперамент слишком бурный, —
Не баба – зверь, —
она теперь
Вершит делами «революции культурной».
А ну-ка встань, Цин Цзянь,
а ну талмуд достань, —
Уже трепещут мужнины враги!
Уже видать концы —
жена Лю Шаоци
Сломала две свои собачие ноги.
А кто не чтит цитат,
тот – ренегат и гад, —
Тому на задницы наклеим дацзыбао!
Кто с Мао вступит в спор,
тому дадут отпор
Его супруга вместе с другом Линем Бяо.
А кто не верит нам,
тот – негодяй и хам,

А кто не верит нам, тот – прихвостень и плакса.
Марксизм для нас – азы,
ведь Маркс не плыл в Янцзы, —
Китаец Мао раздолбал еврея Маркса!
1967

* * *

От скушных шабашей
Смертельно уставши,
Две ведьмы идут и беседу ведут:
«Ну что ты, брат-ведьма,
Пойти посмотри бы,
Как в городе наши живут!
Как всё изменилось!
Уже развалилось
Подножие Лысой горы.
И молодцы вроде
Давно не заходят —
Остались одни упыри...»
Спросил у них леший:
«Вы камо грядеши?»
«Намылились в город – у нас ведь тоска».
«Ах, гнусные бабы!
Да взяли хотя бы
С собою меня, старика».
Ругая друг дружку,
Взошли на опушку.
Навстречу попался им враг-вурдалак.
Он скверно ругался,
Он к им увязался,
Кричал, будто знает, что как.
Те к лешему: как он?
«Возьмем вурдалака!
Но кровь не сосать и прилично вести!»
Тот малость побрякал,
Клыки свои спрятал —
Красавчиком стал, – хочь крести.
Освоились быстро, —
Под видом туристов
Поели-попили в кафе «Гранд-отель».
Но леший поганил
Своими ногами —
И их попросили оттель.
Пока леший брился,
Упырь испарился, —
И леший доверчивость проклял свою.

И ведьмы пошлялись —
И тоже смотались,
Освоившись в этом раю.
И наверняка ведь
Прельстили бега́ ведьм:
Там много орут, и азарт на бегах, —
И там проиграли
Ни много ни мало —
Три тысячи в новых деньгах.
Намокший, поблекший,
Насупился леший,
Но вспомнил, что здесь его друг, домовый, —
Он начал стучаться:
«Где друг, домочадцы?!»
А те отвечают: «Запой».
Пока ведьмы были
И всё просадили,
Пока леший пил-надирался в кафе, —
Найдя себе вдовушку,
Выпив ей кровушку,
Спал вурдалак на софе.
1967

НЕВИДИМКА

Сижу ли я, пишу ли я, пью кофе или чай,
Приходит ли знакомая блондинка —
Я чувствую, что на меня глядит соглядата́й,
Но только не простой, а – невидимка.
Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!
Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.
Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!
Однажды выпиваю – да и кто сейчас не пьет! —
Нейдет она: как рюмка – так в отрыжку, —
Я чувствую – сидит, подлец, и выпитому счет
Ведет в свою невидимую книжку.
Иногда срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!
Про погоду мы с невестой

Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.
Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!
Я дергался, я нервничал — на выдумки пошел:
Вот лягу спать и подымаю храп; ну,
Коньяк открытый ставлю и — закусочки на стол, —
Вот сядет он — тут я его и хапну!
Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!
Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.
Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!
К тому ж он мне вредит, — да вот не дале как вчера —
Поймаю, так убью его на месте! —
Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера́»,
А у меня «гора» — три тыщи двести.
Побледнев, срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!
Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ём.
Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!
А вот он мне недавно на работу написал
Чудовищно тупую анонимку, —
Начальник прочитал, мне показал, — а я узнал
По почерку — родную невидимку.
Оказалась невидимкой —
Нет, не тронутый я —
Эта самая блондинка,
Мной не тронутая!
Эта самая блондинка...
У меня весь лоб горит!
Я спросил: «Зачем ты, Нинка?»
«Чтоб женился», — говорит.
Обидно мне,

Досадно мне, —
Ну ладно!
1967

**ПЕСНЯ ПРО ПЛОТНИКА ИОСИФА, ДЕВУ МАРИЮ,
СВЯТОГО ДУХА И НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТЬЕ**

Возвращаюсь с работы,
Рашпиль ставлю у стены, —
Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены!
Я, конечно, вопрошаю:
«Кто такой?»
А она мне отвечает:
«Дух Святой!»
Ох, я встречу того Духа —
Ох, отмечу его в ухо!
Дух он тоже Духу рознь:
Коль Святой – так Машку брось!
Хочь ты – кровь голубая,
Хочь ты – белая кость, —
Вот родится Он, и знаю —
Не пожалует Христос!
Машка – вредная натура —
Так и лезет на скандал, —
Разобиделась, дура:
Вроде, значит, помешал!
Я сперва-сначала с лаской:
То да сё...
А она – к стене с опаской:
«Нет, и всё!»
Я тогда цежу сквозь зубы,
Но уже, конечно, грубо:
«Хочь он возрастом и древний,
Хочь годов ему тыщ шесть, —
У него в любой деревне
Две-три бабы точно есть!»
Я – к Марии с предложеньем, —
Я на выдумки мастак! —
Мол, в другое воскресенье
Ты, Мария, сделай так:
Я потопая под утро —
Мол, пошел, —
А ты прими его как будто,
Хорошо?
Ты накрой его периной —
И запой, – тут я с дубиной!
Он – крылом, а я – колом,
Он – псалом, а я – кайлом!

Тут, конечно, он сдается —
Честь Марии спасена, —
Потому что, мне сдается,
Этот Ангел – Сатана!
...Вот влетаю с криком, с древом,
Весь в надежде на испуг...
Машка плачет, «Машка, где он?»
«Улетел, желанный Дух!»
«Как же это, я не знаю,
Как успел?»
«Да вот так вот, – отвечает, —
Улетел!
Он псалом мне прочитал
И крылом пощекотал...»
«Ты шутить с живым-то мужем!
Ах ты скверная жена!..»
Я взмахнул своим оружием...
Смейся, смейся, Сатана!
1967

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

Вдох глубокий, руки шире,
Не спешите – три-четыре! —
Бодрость духа, грация и пластика!
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая,
Если жив пока еще, —
гимнастика!
Если вы в своей квартире, —
Лягте на пол – три-четыре! —
Выполняйте правильно движения!
Прочь влияние извне —
Привыкайте к новизне, —
Вдох глубокий до изне —
можения!
Очень вырос в целом мире
Гриппа вирус – три-четыре! —
Ширится, растет заболевание.
Если хилый – сразу в гроб!
Сохранить здоровье чтоб —
Применяйте, люди, об —
тирание!
Если вы уже устали —
Сели-встали, сели-встали, —
Не страшны вам Арктика с Антарктикой!
Главный академик Иоффе
Доказал: коньяк и кофе
Вам заменит спорта профи —

лактика!
Разговаривать не надо —
Приседайте до упада,
Да не будьте мрачными и хмурыми!
Если очень вам нейдет —
Обтирайтесь чем придется,
Водными займитесь проце —
дурами!
Не страшны дурные вести —
Мы в ответ бежим на месте, —
В выигрыше даже начинающий.
Красота – среди бегущих
Первых нет и отстающих, —
Бег на месте общеприимен —
ряющий!
1968

МАРШ АКВАЛАНГИСТОВ

Нас тянет на дно как балласты.
Мы цепки, легки как фаланги,
А ноги закованы в ласты,
А наши тела – в акваланги.
В пучину не просто полезли,
Сжимаем до судорог скулы,
Боимся кессонной болезни
И, может, немного – акулы.
Замучила жажда – воды бы!
Красиво здесь – все это сказки, —
Здесь лишь пучеглазые рыбы
Глядят удивленно нам в маски.
Понять ли лежащим в постели,
Изведать ли ищущим брода?!
Нам нужно добраться до цели,
Где третий наш без кислорода!
Мы плачем – пускай мы мужчины:
Застрял он в пещере кораллов, —
Как истинный рыцарь пучины,
Он умер с открытым забралом.
Пусть рок оказался живучей, —
Он сделал что мог и что должен.
Победу отпраздновал случай, —
Ну что же, мы завтра продолжим!
1968

* * *

Сколько чудес за туманами кроется —
Ни подойти, ни увидеть, ни взять, —
Дважды пытались, но бог любит троицу —
Глупо опять поворачивать вспять.
Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»
Было когда-то – тревожили беды нас, —
Многих туман укрывал от врагов.
Нынче, туман, не нужна твоя преданность —
Хватит тайгу запирасть на засов!
Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»
Тайной покрыто, молчанием скелета —
Заколдовала природа-шаман.
Черное золото, белое золото
Сторож седой охраняет – туман.
Только ты выучи, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»
Что же выходит – и пробовать нечего,
Перед туманом ничто человек?
Но от тепла, от тепла человеческого
Даже туман поднимается вверх!
Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»
1968

Я УЕХАЛ В МАГАДАН

Ты думаешь, что мне – не по годам,
Я очень редко раскрываю душу, —
Я расскажу тебе про Магадан —
Слушай!
Как я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.
Однажды я уехал в Магадан —
Я от себя бежал как от чахотки.

Я сразу там напился вдрабадан
Водки!
Но я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.
За мной летели слухи по следам,
Опережая самолет и вьюгу, —
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!
И я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.
Я повода врагам своим не дал —
Не взрезал вены, не порвал аорту, —
Я взял да как уехал в Магадан,
К черту!
Я увидел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.
Я, правда, здесь оставил много дам, —
Писали мне: «Все ваши дамы биты!» —
Ну что ж — а я уехал в Магадан, —
Квиты!
И я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты —
барахты.
Когда подходит дело к холодам, —
Пусть это далеко, да и накладно, —
Могу уехать к другу в Магадан —
Ладно!
Ты не видел Нагайскую бухту —
дурак ты!
Улетел я туда не с бухты —
барахты.
1968

* * *

Жил-был добрый дурачина-простофиля.
Куда только его черти не носили!
Но однажды, как назло,
Повезло —
И в совсем чужое царство занесло.

Слезы градом – так и надо
Простофиле:
Не усаживайся задом
На кобыле,
Ду-ра-чи-на!
Посреди большого поля – глядь – три стула,
Дурачину в область печени кольнуло, —
Сверху – надпись: «Для гостей»,
«Для князей»,
А на третьем – «Стул для царских кровей».
Вот на первый стул уселся
Простофиля,
Потому что он у сердца
Обессилел,
Ду-ра-чи-на!
Только к стулу примостился дурачина —
Сразу слуги принесли хмельные вина,
Дурачина ощутил
Много сил —
Элегантно ел, кутил и шутил.
Погляди-ка, поглазей —
В буйной силе
Влез на стул для князей
Простофиля,
Ду-ра-чи-на!
И сейчас же бывший добрый дурачина
Ощутил, что он – ответственный мужчина, —
Стал советы отдавать,
Крикнул рать,
И почти уже решил воевать.
Дальше – больше руки грей,
Ежли в силе! —
Влез на стул для королей
Простофиля,
Ду-ра-чи-на!
Сразу руки потянулись к печати,
Сразу топать стал ногами и кричати:
«Будь ты князь, будь ты хоть
Сам Господь —
Вот возьму и прикажу запороть!»
Если б люди в сей момент
Рядом были —
Не сказали б комплимент
Простофиле,
Ду-ра-чи-не!
Но был добрый этот самый простофиля —
Захотел издать Указ про изобилье...
Только стул подобных дел
Не терпел:

Как тряхнет – и, ясно, тот не усидел...
И очнулся добрый малый
Простофиля
У себя на сеновале
В чем родили, —
Ду-ра-чи-на!
1968

* * *

Вот и разошлись пути-дороги вдруг:
Один – на север, другой – на запад, —
Грустно мне, когда уходит друг
Внезапно, внезапно.
Ушел, – невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.
Наступило время неудач,
Следы и души заносит вьюга,
Всё из рук вон плохо – плачь не плачь, —
Нет друга, нет друга.
Ушел, – невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.
А когда вернется друг назад
И скажет: «Ссора была ошибкой»,
Бросим на минувшее мы взгляд,
С улыбкой, с улыбкой.
Ушло, – невелика потеря
Для многих людей...
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.
1968

ДВЕ ПЕСНИ ОБ ОДНОМ ВОЗДУШНОМ БОЕ

I. Песня летчика

Их восемь – нас двое, – расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Сережа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.
Я этот небесный квадрат не покину —
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит – и шансы равны.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завывли винты, —
Им даже не надо крестов на могилы —
Сойдут и на крыльях кресты!
Я – «Первый», я – «Первый», – они под тобою!
Я вышел им наперерез!
Сбей пламя, уйди в облака – я прикрою!
В бою не бывает чудес.
Сергей, ты горишь! Уповай, человек,
Теперь на надежность строп!
Нет, поздно – и мне вышел «мессер» навстречу, —
Прощай, я приму его в лоб!..
Я знаю – другие сведут с ними счеты, —
Но, по облакам скользя,
Взлетят наши души, как два самолета, —
Ведь им друг без друга нельзя.
Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота – щелк, —
Мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»
И я попрошу Бога, Духа и Сына, —
Чтоб выполнил волю мою:
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою!
Мы крылья и стрелы попросим у Бога, —
Ведь нужен им ангел-ас, —
А если у них истребителей много —
Пусть пижут в хранители нас!
Хранить – это дело почетное тоже, —
Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Сережей
И в воздухе и на земле.

II. Песня самолета-истребителя

Я – «ЯК», истребитель, – мотор мой звенит,
Небо – моя обитель, —
А тот, который во мне сидит,
Считает, что – он истребитель.
В этом бою мною «юнкерс» сбит —
Я сделал с ним, что хотел, —
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел!
Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал, —
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в штопор!
Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому, —
А кажется – стабилизатор поет:
«Мир вашему дому!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.